

И вот наступило «сегодня». Среда. День, когда мне больше не нужно было решать никаких вопросов. Важных вопросов. В ближайшее время я уже планировал вылететь в Батор, а там и вернуться к занятиям, и хоть чисто гипотетически, я уже мог бы бросить школу, но, во-первых, это было бы странно, особенно в глазах директора, который меня вечно в чём-то подозревает. Во-вторых, я и сам был не против получить официальное образование (когда-то же нужно, хах). В-третьих, и самое важное, это неплохое прикрытие: ходи, сиди, учись — наблюдай, провоцируй, веселись.

В связи с тем, что оставался последний день, то сегодня ближе к вечеру я решил навестить своих родителей: у них дома и в свободное от работы время (а не как во время приезда).

Мать называла меня Караак.

Отец называл меня Караак.

Фамилии у нас были разные.

Так как официально сына у них не имелось, то в целом ничего бросающего в глаза в наших отношениях никогда не было. Встреча имела исключительно «семейный» характер — все деловые вопросы с отцом я решил сразу по приезду.

Для бюрократического же мира наше знакомство было прописано как: «Лечащий врач — Пациент».

Правда, сейчас, сидя с ними за одним столом и набравши в рот воды, мне приходилось в каком-то смысле даже сожалеть, что никаких других вопросов, не считая бытовых, поднято не было:

...

— Не думала, что когда-нибудь скажу это, но: «Мой сын — школьник», — ха-ха-ха.

В тоне этой женщины, являющейся моей матерью, определённо были издевательские нотки. Хотя отношение отца было не лучше.

— Рано или поздно, но это должно было случиться, — сказал он.

— Не думаешь, что такими темпами у него скоро и семья появится?

— Вряд ли... Кресло качалка и плешивая кошка — это его потолок.

— Ну... Он, конечно, асоциален, но ведь не настолько?.. — мать говорила с видом наигранной неуверенности.

— Даже не знаю...

— Если родной отец не знает, то кто?

— Родная мать?

— Ха-ха-ха... Я?! Ну уж нет, для такого жизнь меня не готовила.

— А меня значит готовила?

— Ты же врач — вас ко всему готовят.

— А ты — медсестра...

— Медсестра — это подштанники врача, хах.

— Говорил же, я тогда пошутил... Не стоит мне каждый раз это припоминать.

— Пошутил?! — не унимала свой смех мать. — Если это ты, дорогой, то я не против такой формулировки.

...

Сидя напротив них, я молча пил чай. Кроме него они мне ничего больше не предложили. Печенок у них не было априори, а идти готовить из-за такой незначительной мелочи, как мой приход, мать посчитала излишним. По правде, дело было в том, что питались они чётко по графику (режим, чтоб его, дня). Так сказать, излишки профессии...

«Сиди и помалкивай», — эти слова как нельзя лучше характеризовали моё отношение к происходящему. В общении со своими родителями я был «закалён боями — разукрашен шрамами», особенно, когда приходилось вести «дело» одновременно с обоими. Закалён настолько, что даже следующая фраза матери, адресованная непосредственно мне, не смогла хоть как-то вывести меня из равновесия:

— Ты, конечно, ребёнок отсталый, но ведь семью заводить планируешь?

— ...

Эх, мои любимые родители...

Я был рад увидаться с ними, а также «очень» рад дать им немного возможности «погнобить любимого сыночка».

◇◇◇

Голодный, морально обессиленный и в то же время невероятно счастливый, я наконец-то ушёл восвояси. Счастлив я был не от того, что «повидал», а именно от того, что «ушёл». И, несмотря на то, что мать на самом деле была очень рада моему приезду и даже предлагала остаться у них, я попрощался с ними сразу, как только представился удобный случай.

Уже вечером-ночью я планировал вернуться в столицу, однако, придя домой, я застал кабанью тушку, сытую и сладко посапывающую на моей кровати. И хоть еда была не моя (а я помнил, что ничего не оставлял), вся эта ситуация мне всё равно напомнила сказку об «одной девочке» и трёх медведях. Только в отличие от них я был недоволен не тем, что она «сидела на моём стуле, ела из моей миски и спала на моей кровати», а тем, что она рылась в моих вещах, думала о каких-то пошлостях, не говоря уже о том, что сломала дверной замок. А теперь ещё и причмокивала, обняв подушку, как удав телёнка. И лишь моё невероятное терпение, а также оставленная на кухне еда, спасли это невежественное создание от извержения вулкана и массового геноцида.

На первое был сырный суп. Очень вкусный.

На второе были запеченное мясо с овощами. Очень вкусно.

На десерт были фрукты (вероятно, я должен был бы сказать: «Была Мишель», — но, как видите, я не сказал). Также после девушки остался сваренный кофе, его было немного, и к этому моменту он уже остыл, но даже так напиток был замечательным. Вообще, я был удивлён, что она так крепко спала, учитывая, как много выпила.

К тому же, я бы не сказал, что совершенно не шумел, но Мишель продолжала сладко посапывать. Вероятно, оно и к лучшему.

На самом деле, я давно знал о прибытии своего гостя. Меня лишь смутила неожиданность таких действий: я не знал и, если честно, плохо понимал, что сподвигло её так поступить.

Да, я не спешил встретиться, отчего и вернулся довольно поздно. Сейчас было уже около восьми часов вечера, но ощущение странности от происходящего меня так и не покинуло: приготовленная еда, крепко спящая девушка. Нет, я не думал о каком-то «заговоре», даже беря во внимание недавнее время, проведённое с родителями и уймой их «наездов». Я являлся достаточно адекватным и зрелым, чтобы такая чепуха обошла меня стороной. Однако это не значило, что я совсем ничего не понимал... Вероятно, в жизни Мишель произошло что-то необычное.

Я посмотрел на «кабанью тушку».

С мыслями: «Как интересно», — я погрузился в раздумья. Разбуди я Мишель, вероятно, можно было узнать всё сразу и, скорее всего, я бы так и поступил, если бы на её спящем лице не было такого сильного отпечатка усталости и грусти. Хотя, это мог быть и след от задремавшей покрывала, на котором лежала её голова (подушка сейчас «задышалась» в её объятиях). Однако проверять что «истина», а что «ложь» я не стал — оно того не стоило. Будить спящего — ужаснейшее преступление, если, конечно, будящий — не котик, которому скучно или хочется покушать.

Глава 101. Напутствия (часть 2)

— Где я?! — резко подорвалась Мишель рано утром.

Видимо, она погрузилась в столь глубокий сон, что малость ушла в беспамятство. Схожее зачастую бывает, когда непривыкший человек засыпает под вечер, а затем просыпается с чувством сильной дезориентации.

— Ещё спроси: «Кто я?»

— Караак?.. — прошло время. — А... Ааа...

— Вспомнила? Это хорошо. Забудь ты, что было ночью, было бы прискорбно...

— ...Что-то было?!

— А разве не было?.. — я пожал плечами, а затем сам же ответил на свой вопрос. — Может, и не было.

Введя Мишель в ступор, я стал тешиться её видом.

Картина напоминала стоящего по стойке «смирно» суслика, который, почуяв опасность, быстро оглядывался по сторонам. При этом положение головы он менял резкими отрывчатыми движениями, глядя на мир глазами размером с пятак.

— Лучше расскажи, как ты здесь оказалась, — прямо сказал я; с одной стороны бросая ей спасительный круг, отвлекая от ненужных мыслей, с другой — утоляя своё любопытство. — Неужто тебя уволили и тебе некуда податься? Тогда ты пришла не по адресу: мой официальный заработок не сможет содержать столь прихотливую девушку, как ты.

— Подожди...

— Хотя учитывая, как ты готовишь, то для меня это было бы потерей...

Она перебила:

— Я завтра уезжаю.

— Куда?

— Точно сказать трудно, по работе в общем.

— Ясно. Пришла попрощаться?

— А... Да. Дома тебя не застала... Стоп... Сегодня же уже четверг?

— Правильно, а что?

— Я ошиблась. Вылет уже сегодня. Сколько времени? — спросила Мишель, вставая.

Так как ночью мне пришлось её раздеть, то пусть и растрёпанный и сонный, но вид у неё был довольно прекрасный. Прикрывшись, она прошла мимо меня, а я сидел на небольшом диванчике.

— Ванна там, — уточнил я.

— Я знаю.

— Одежду поднести?

— Нет...

Мишель вернулась, взяла сложенные вещи и вновь направилась в «место назначения».

Несмотря на то, что квартира была однокомнатной, сама по себе она было большой. У дальней стены была кровать. По бокам шкаф и полки. Ближе к центру диван и низкий столик. Кухня и ванна отдельно.

К её возвращению я уже заварил кофе и ждал на том же самом месте. Две кружки стояли на столике.

— Выглядишь свежо, — похвалил я, когда Мишель села рядом. — Думаю, теперь можно сказать и доброе утро.

— Доброе. Спасибо.

Мишель взяла кружку, сделала глоток, скривилась, но промолчала. Я наслаждался этим «мучением».

— Значит, говоришь, уезжаешь? Здорово.

— Ага.

— Почему так «кисло»? Не хочешь уезжать?

— Нет, хочу, просто кофе крепкий.

— Неужто?

— Да... Не смотри так... Чего уставился?

— Любуюсь? — весело ответил я. — Или нельзя?

— Может и нельзя, — сказала Мишель и церемонно отвернулась.

— Хах, вроде взрослая девушка, а сама ребячишься.

Я сделал пару глотков и продолжил:

— Ты сказала «по работе»? Это связано с тем местом, на которое мы наткнулись в пятницу?

На мгновение на её лице «что-то» появилось, но быстро исчезло.

Затем, будто что-то вспомнив, она спросила, проигнорировав мой вопрос:

— Как плечо?

А затем поднесла к нему руку.

— Всё нормально. Мой лечащий врач сказал, что ничего серьёзного... Но если ты продолжишь так давить, то может быть и осложнение.

— Извини, — сказала Мишель, ослабив хватку.

Из-за интереса к моей ране, ей пришлось повернуться в мою сторону. Поэтому сейчас мы смотрела друг другу в глаза. Откинув немного волосы и прислонив ладонь к её щеке (дабы она не смогла отвернуться), я сказал:

— Вот смотрю я на тебя, и такое чувство, что тебя что-то гложет.

— Нет.

— Поездка? Нет. Разлука? Возможно... Но она не источник проблемы. Может быть, страх?

— Нет!

Мишель попыталась отвернуть голову, но к такому я был готов с самого начала.

— Скажи, чего ты боишься?

— Отстань! — не на шутку взбесилась девушка, даже предприняла попытку отпрянуть. Но иногда нужно быть настойчивым, как пиявка. «Задавить» ментально, как говорится.

Второй рукой я сначала не дал ей уйти назад (благо, кофе не пролился: кружка осталась висеть в воздухе), а когда «удержал», переместил руку и приложил ладонь к оставшейся щеке. Теперь я обхватывал мордашку Мишель, как чашелистики обхватывают бутон.

— Всё будет хорошо, чего ты в самом деле? — сказал я.

Её скула дёрнулась. Я добавил:

— Знаешь, как раньше говорили в таких случаях?

Мишель проявила небольшую заинтересованность, но сделала вид, что ей всё равно. Однако моё ожидающее молчание, заставило её, хоть и не сразу, но спросить:

— Как?

— «Демон пожирает тебя изнутри, бууу...»

— Чушь.

— Согласен... Потому что тебя «пожирает» не он, а неуверенность, — я решил сменить подход, заменив слово «страх» на «неуверенность», — даже не знаю, с чего бы вдруг? Ты ведь такая сильная...

— Это не так. То есть, я сильная, но...

— Есть и сильнее или что?

— Нет, такие вещи меня не волнуют, просто...

Как же это сложно, когда кто-то обрывает предложения и тебе приходится додумывать, причём делать это нужно так, чтобы не ляпнуть чего-то неприемлемого или провокационного. И ладно, будь сидящая рядом девушка совсем безразличной для меня, но ведь нет. Отправлять её (я даже не знаю куда) с глубинными проблемами не самое лучшее решение. По крайней мере, я бы и сам мог пожалеть о таком поступке в будущем. Самое трудное, когда близкие люди — гордые люди, считающие себя всемогущими (или просто корчат, что таковыми являются). Сейчас я даже радовался, что она «додумалась» перед отъездом прийти ко мне. Не то, что бы я был всемогущим и решал проблемы щелчком пальца, просто из того что наблюдал, создавалось ощущение, будто всё её окружение либо игнорирует, либо просто не видит «истинную» Мишель Лири.

«Такие вещи меня не волнуют...»

Тогда что тебя волнует? Мне приходилось думать и предполагать. Голова от всего этого начинала побаливать. Я уже даже мечтал вернуться обратно в школу. Я мечтал сжечь город и затопить окраины. Я планировал устроить «буйство магии». Последние дни были слишком обыденными: прошло пять, а по ощущениям, будто целая вечность. Это немного «напрягало». Радовало, что оставался последний «шаг», в лице этой чудной девушки. За ним меня ожидала привычная спокойная жизнь.

С уверенностью можно было сказать, что это маленькое путешествие в Дархан стало слишком утомительным, если не физически, так психически. Я одолел первого «босса» — Миссис Хез —

с её причудами. Я одолел (вытерпел) второго «босса» — родителей — с их «проявлением заботы». Искренне верил, что на этом всё. Однако... Выясняется, что они были лишь двумя «привратниками» к истинному «злу»! Третий «босс» сам явился ко мне. В лице Мишель, против которой такие проверенные тактики как «развернись и уйди» и «сиди и помалкивай» не просто не сработают, а вызовут совершенно обратный результат и приведут к полному «поражению». Я осознавал, что с появлением этого очередного «босса» в моей жизни, нужно искать и новый подход. Нет, опыт у меня был. Достаточно. Но в этот раз я не планировал оставлять сидящего рядом человека только лишь в хрупких воспоминаниях, а значит нужно приложить и немного усилий. Думаю, от меня не убудет.

Глава 102. Напутствия (часть 3)

Мишель сказала, что другие сильные волшебники её не волнуют. Но при этом девушку всё-таки что-то беспокоило. Раз так, то для понимания её чувств пришлось использовать те «карты», которые были у меня на руках, даже если это лишь одна «шестёрка». Следующие мои слова возникли сами собой, в результате синтеза некоторых идей и наблюдений:

— Это здорово, когда не волнуют. А вот меня — немного... Особенно после встречи с тем типом. Трупом... Помнишь? Эх, какой же нужно иметь уровень, чтобы сделать его таким сильным...

— Это да... — то ли осознанно, то ли нет, вырвалось из уст девушки.

— Надеюсь, твоя работа не связанна с ним...

— Надеюсь... То есть какая разница?

— Не знаю... — сказал я, стараясь выглядеть как можно озабоченным. — Способна ли ты будешь справиться с таким противником?

Повисло молчание — эта задержка (а также выражение, появившееся при этом) и стала «ответом» на все вопросы. Хотя я и имел на руках слабую и одинокую «шестёрку», но, как говорится, шестёрка туза тянет за пузо.

Я не утверждал и тем более не говорил, что она «не справится», я лишь интересовался, как она сама оценивает свои силы. Бить в самую суть — это практически мой конёк, и в этот раз я справился на отлично: «сражение с трупом в пятницу» — где-то здесь и была сокрыта причина глубинных расстройств девушки. Довольный тем, что стал «копать» в правильном направлении, я невзначай погладил её по щеке.

— ...Конечно я справлюсь! — до ужаса натянуто ответила Мишель. Трудно было сказать, понимает ли она сама, насколько неубедительным выглядит её поведение?

Проигнорировав её слова, я продолжил:

— Думаю, тебе будет трудно справиться с чем-то таким. Ты слишком легкомысленно относишься к своим противникам...

— О чём ты? Хочешь сказать, что я слабая? Тогда так и скажи, — она даже сузила глаза, но всё равно говорила тихо и податливо.

— Нет. «Слабость» и «легкомыслие» — это разные вещи. Не нужно передёргивать мои слова. Помнишь, что я сказал тебе после нашей победы? Нет? Я сказал: «...Ты такая сильная. Ты такая прекрасная. Ты могла бы одолеть того мертвеца в одиночку, если бы взяла себя и своё волшебство в руки...»

— ...Звучит сильно, но это всего лишь общие фразы...

Её отношение начало выводить меня из себя, но виду я не подал, хотя предательский голос самую малость выдал меня:

— Ошибаешься. Ты расточительно расходует магию — это не «общие фразы»; ты используешь более затратные слэмы там, где это не нужно, — это тоже не «общие фразы»; а также, ты синтезируешь больше нужного — и это не «общие фразы»...

— Что... — она посмотрела на меня недоверчивым взглядом.

Думаю, я немного «взорвался», но раз уж я взялся, то прекращать не было смысла.

— Ты используешь более затратные элементы, тот же Вольфрам (W), хоть это и эффективное и прочное вещество, но иногда стоит использовать что-то попроще. Молнию можно отбить и обычным камнем, тем же «школьным» Кальцитом (CaCO₃). По сравнению с ним, молярная масса Вольфрама больше практически в два раза, не говоря уже о том, что плотность — в семь. Ты можешь синтезировать тот же кусок камня и отразить им молнию. Да, это менее надёжно, но ты должна представлять, насколько уменьшится потребление магической силы? Не думаю, что ты не можешь использовать что-то столь простое. Но даже если и нет или не хочешь, то старайся синтезировать не такие большие защитные барьеры, когда используешь Вольфрам. Хоть ты и способна использовать разрушенные фрагменты и осколки в дальнейшем, но, насколько я вижу, тебе всё равно даётся это с усилием. Либо, раз уж я привёл Молнию в пример, после её попадания ты вообще можешь потерять контроль. В таких случаях тебе проще использовать новый слэм, а это, снова же, ещё бóльшие затраты магической силы!

Я закончил свою критику. По правде говоря, всё произошло как-то само собой. Ругать Мишель

я не планировал.

— Я понимаю это... Но я не обделена магической силой. Использовать затратные слэмы не критично...

— Не критично?! Это работает, когда перед тобой слабый противник, но когда такой же «не обделённый» или даже превосходящий... Задумайся об этом. Уверен, ты и сама всё это знаешь.

— Знаю...

— Не похоже. Иметь одну тактику боя для всех врагов — не лучший вариант.

Закончив отчитывать, я смягчил тон:

— Я ведь волнуюсь... Не очень-то и хочется, чтобы ты умерла раньше, чем нужно. Тебе стоит серьёзнее относиться к таким вещам, тогда и уверенность в победе всегда будет рядом... Как и сказал, хорошенько задумайся об этом.

— Хорошо, я поняла. Спасибо... — сказала Мишель, разглядывая меня, будто в первый раз, как ребёнок новую игрушку: с интересом и любопытством. — Я знаю, что ты довольно своеобразный... Но я не думала, что такой... Умный? Или проницательный? Иногда кажется, что я тебя вовсе не знаю...

— Мы знакомы от силы месяц, разве в этом есть что-то удивительное?

— Это да... Я не ожидала, что всё может развиваться так быстро, но... В том-то и дело, ты какой-то слишком... — Мишель начала говорить задумчиво, возможно, что-то подозревая.

Но что она может понять? Приплести меня к своей работе? Связать с мелкими деталями? Даже если взять во внимание «женскую интуицию», есть вещи, которые не решаются так просто. В этом смысле меня всегда удивляли (раздражали) некоторые произведения, которые я читал ещё в детстве, когда какую-то ситуацию тут же связывают с главным героем. Захотел «очистить» мир от преступников, а уже на следующий день появляется тип, который знает, где ты живёшь и что делаешь, а ещё через неделю уже ходит рядом с тобой и играет в теннис. А если ты его прикончишь, то уже через день окажется, что он не единственный такой «гений»... В такие моменты условности ради сюжета (условностей?) меня всегда раздражали.

Я стал трепать волосы Мишель, а затем заинтересовано спросил:

— Слишком какой? Может, любящий, как пританцовывающий пёс? Или опасный, как Огненный Тигр?

всегда. Несколько файлов весили меньше, чем нужно.

Они относились к общей папке: «Объект №1».

Увидев это, на лице высокого зрелого мужчины с седой бородой вокруг рта, появилось страдальческое выражение: видимо, предчувствие чего-то нехорошего тут же всплыло в его сознании. Он почесал лысый «островок» у себя на голове. Эта плешь была расположена в самом центре, а по бокам от неё в разные стороны торчала кучерявая шевелюра, такая же седая, как и борода вокруг рта. Он всегда чесал эту область, когда нервничал. Однако утверждать, что она облысела именно от этого, было трудно. Причина этой особенности имела возрастной характер: годы брали своё.

Прошла не одна минута, прежде чем он разобрался и всё просмотрел. Это заняло больше часа. В конце концов, сняв очки, он немного опустил голову и облокотил её об руки, прикрыв ладонями лицо. При этом положение его ровной спины, сравнимой с лезвием меча, за всё время сидения ни разу не изменилось и не дёрнулось. Со стороны даже могло показаться, что она напряжена, будто он сидит на иголках. На деле же, это была его естественная поза.

Хоть внешне всё казалось невероятно статичным, настолько, что сидящего зрелого мужчину можно было даже сравнить с каким-нибудь величественным памятником древнего волшебника, внутренне, где-то в его голове, протекали каскады сложных умственных процессов под названием мышление.

«...Как интересно, — подумал он, когда немного успокоил себя и свой гнев. До этого все его слова и мысли были столь неприличны, негуманны и ужасны, что не стоили даже упоминания. — Если не я, то кто?! — этот вопрос волновал его больше всего. — Ещё и лучшую мою марионетку! Она была практически на уровне Мирового Волшебника!»

У себя в голове тела мёртвых людей он называл «марионетками». Это было не желание сравнить себя с кукловодом, это было исключительно из-за трудности использования таких слов как «труп», «мертвец» или чего-то схожего. Они вызывали в нём некоторую неприязнь. Нет, он прекрасно осознавал, чем именно занимается и какие методы использует, но чтобы он не делал, он всё ещё был рождён человеком, был воспитан человеком и являлся человеком. Он не сошёл с ума, не пытался подменять ценности и не пытался оправдать себя, он просто делал то, на что был способен, использовал то, что мог использовать. Раньше он бы и сам не поверил, скажи ему кто-то, каким он станет.

«Значит ли это, что у меня появился раздражитель? О том месте знали только я и они (так он мысленно называл некоторых людей клана Морган, включая главу). Было бы здорово, если это кто-то из них... Делать всё самому трудно...»

Это было правдой, что бóльшую часть работы этот зрелый мужчина делал в одиночку, однако его «радикальные» взгляды пришлись по душе некоторым семьям и людям (которых он досконально изучил, прежде чем пойти на сближение): разжигая жадность, как змей-искуситель, он смог привлечь их на свою сторону. Цели у них были хоть и схожими, но имели

отличия, поэтому каждый считал, что использует другого. Однако даже так нельзя было отрицать — эти семьи приносят колоссальную помощь. Но уничтожение такого крупного союзника как Морган... Ещё и в такое время... Это заставляло задуматься.

«...Думал, место нашли, потому что кто-то из них (Морган) выжил и после пыток признался... Но теперь... Когда одна из моих марионеток ни с того ни с сего «оживла» — я не уверен...»

На мгновение зрелый мужчина даже засомневался: «Трупы ведь сами по себе не оживают?»

Эта предательская к здравому смыслу идея смогла в принципе посетить его голову только потому, что его непоколебимые сосредоточенность и концентрация на мгновение были задеты сильной злостью, вызванной последними событиями. А из-за них (событий), всё, что он планировал «свершить» в ближайшее время, в одночасье разрушилось.

«Я хотел начать с Монголии, с Батора, но видимо, придётся перенести место и отложить время. В ближайшее дни, лучше покинуть это место. Рано или поздно эти ублюдки (так он мысленно называл все государственные службы) могут выйти на меня...»

Подавленный и грустный вид этого человека точно бы вызвал жалость у какой-нибудь изнеженной мамы. Благо, в этом месте таких не было. Здесь в принципе никого не было, кроме самого мужчины, деятельность которого рано или поздно заинтересует всё большее количество людей (если уже не заинтересовала).

Глава 104. Потрёпанный «жизнью» (часть 2)

Зрелый мужчина встал из-за стола, на котором находилось разное оборудование. До этого он ещё не единожды пересмотрел отрывки с камер «Объекта №1», но чем больше он это делал, тем всё сильнее чувствовал себя оскорблённым и обманутым.

Внимание на «вторженцах», которыми являлись девушка из госбезопасности и юноша, судя по всему, оттуда же, он акцентировал не сильно, но не потому, что они его совершенно не интересовали. Причин было две. Первая заключалась в их кратковременном появлении в «объективе» камер. Не секрет, что те вышли из строя практически сразу, как обе стороны — марионетка и девушка — развязали магию. Вторая же причина заключалась в более важных фрагментах записи: сейчас зрелого мужчину интересовал «оживший» ни с того ни с сего труп. Да и в кадре он засветился на более длительный промежуток времени: сначала пробил герметичную крышку бочки, затем устроил беспорядок, круша всё на всём пути, как пьяный «батя», а после стал ломиться в одну из створок входных ворот. Не дебил ли? Однако, если брать во внимание, что им управляли, то всё приобретает совершенно иной смысл...

Зрелый мужчина вошел в другую комнату. Здесь хранились несколько его «подручных» марионеток, на которых он тренировался, а также проводил некоторые исследования. Первым делом он разгерметизировал несколько самодельных ёмкостей.

Удовлетворившись, что всё нормально, мужчина вытянул одну из рук, в которой находился универсальный слэм-девайс цилиндрической формы. Затем, с мыслями: «Как неудобно... Ничего, скоро моя жизнь станет проще», — направил поток своих кварков. Через мгновение обе марионетки «ожили» и уже самостоятельно вылезли из своих «домиков». Хотя первое время двигались они как-то механически, отчасти из-за дубильных свойств формалина, вскоре под действием магии они стали более «гибкими».

По правде говоря, использовать этот водный раствор формальдегида и спирта являлось не самым лучшим решением для сохранения тел, учитывая, как именно их эксплуатировали. Однако простота получения формалина, ещё и в больших количествах, сводила все недостатки на нет. Как минимум, такие мысли помогали «нашему герою» чувствовать себя спокойнее.

Посылая электрические разряды, зрелый мужчина мог полностью контролировать и управлять телами. Чтобы дойти до этого, ему потребовалось большое количество знаний и опыта. А также запредельные контроль и концентрация, потому что переборщи он с силой Молнии, то в прямом смысле этого слова безвозвратно испортит марионетку. Сначала он думал использовать в качестве проводника магические узлы и связующие их сети, но это было бессмысленно, как минимум потому, что в результате он получил бы просто «ходячее тело» (если бы вообще получил), не отличающееся по способностям от обычного человека. Вывод: магические узлы нужно использовать по назначению, а контролировать марионетку другими способами. Выбор пал на нервную систему, но вот незадача: сами по себе её клетки — нейроны — передают не совсем электричество, а возбуждение, вызванное химическими реакциями и появлением отрицательного заряда на внешней стороне этих клеток. А значит, как таковые, для магии Молнии, для тока, они просто не предназначены. Поэтому бездумно «шарахнуть» марионетку — недостаточно, необходимо невероятно точно контролировать силу электричества, которую направляешь в её тело. А ещё поддерживать это электричество на постоянном уровне. И при всём при этом не причинить вреда нервным клеткам, которым и до того «некомфортно», если брать во внимание тот факт, что тело принадлежит мертвецу. Вероятно, лишь незначительная горстка волшебников в этом мире способна обладать такой невероятной концентрацией и таким запредельным контролем, чтобы реализовать что-то подобное. Не говоря уже о немалых знаниях в этой области.

Когда обе марионетки покинули свои ёмкости, мужчина стал экспериментировать. Внимательно следя за первой, он сперва заставил её делать обычные вещи, такие как перенести какой-нибудь предмет из одной части комнаты в другую или постучать по стене, а потом вызвал через неё волшебство. Появилась водная сфера.

У мужчины возникли сомнения. Он задумался. Конечно же, этот эксперимент он проводил не просто так.

«Сначала я подумал, что у меня к этому времени просто замылились глаза. Видимо, нет... — он стал чесать голову, при этом вспоминая некоторые кадры, которые недавно просмотрел. — Странно всё это... Странно...»

Затем он заставил марионетку использовать другую магию, такую же, которую использовал сейчас сам. После этого в движение пришло и второе тело, упавшее до этого на пол.

Мужчина немного успокоился. Он всегда успокаивался, когда перепроверял этот трюк (или он специально перепроверял его, чтобы успокоиться?): для него это был своего рода ритуал. Только в отличие от большинства других ритуалов, его — восхвалял реально существующую силу. Правильнее сказать, ритуал сам являлся этой силой.

«Я уже начал создавать Сеть. Объединив её, можно будет позабыть обо всём, начать всё с чистого листа».

Спокойный и счастливый, этот человек ни грамма не походил на «сумасшедшего учёного». Он им и не был. Зрелый мужчина просто являлся «немного радикалом», готовым убить парочку человек, а может... и миллион.

Но сейчас больше всего он хотел избавиться от нескольких людей. Он считал, что они ему мешают, отчасти винил их в своих проблемах, отчасти считал, что они тормозят его «рост». Возможно, он боялся их? Нет, это вряд ли. Просто хотел убить и «законсервировать». Так ему будет спокойнее. Правда, он не знал, где они. А искать сейчас не мог: последние события вынудили его принять серьёзное решение: пуце прежнего залечь на дно.

«В данный момент нужно сконцентрировать на работе», — так решил «наш герой».

Глава 105. Начало конфронтации (часть 1)

(От 1 лица)

23 октября 2218 года. Пятница. Старшая школа магии №10.

Вчера днём мы с Мишель вернулись в Батор. А чуть позже она полетела в другую страну по работе. И хоть я смог немного ей помочь, по крайней мере, считал так сам, всё равно толика внутреннего переживания осталась с ней.

Навязываться к девушке в путешествие, даже если в шутку, я не стал. Потому что знал: это в любом случае невозможно (в её глазах), а сама тема могла расстроить её. Сам не знаю почему, но её переживание передалось и мне (или я просто волновался о ней?), поэтому время от времени я обдумывал эту ситуацию. В конечном счёте, я пришёл к мысли, что чтобы не случилось, всё будет в порядке, пока есть я...

— Доброе утро, Караак!! — слышался весёлый и громкий голос одноклассницы. Рядом с ней были ещё двое. Я поприветствовал их кивком.

— Что с плечом? — поинтересовался Отто Фишер.

Редкое проявление заботы с его стороны. Как я понял, он и стоящие рядом Милина и Сьюзен пришли сегодня в школу все вместе. Лица девушек были не менее вопрошающими. Мне показалось странным, что Ганц Йохансон не посвятил в «мои дела» свою протезе — Милину Гофф. Хотя, с другой стороны, даже несмотря на их отношения, отчитываться перед ней он не обязан. (Или это связано с Мишель, а если точнее, её дядей?)

Сегодня был тот редкий случай, когда перед первой парой мы встретились не в классе, а на улице — в школьном парке. Если говорить точнее, то я сидел на скамье поодаль от центральной тропинки, которая в это время была полностью заполнена направляющимися на занятия учениками. Моё место располагалось в более спокойной (малолюдной) части школьного двора. Судя по всему, трое одноклассников заметили меня издали. Вот так вот.

— Всё нормально. Просто царапина, — ответил я уклончиво, потому что желания разъяснить подробности совершенно не было. Тем более эти подробности их никоим образом не касались. — Садитесь. Время до начала пары ещё много. Я даже удивлён, что вы так рано пришли. Лучше расскажите, что у вас нового.

Я указал всем на лавочку с кучей свободного места.

— Та всё как всегда, — первой присела и заговорила Милина. Затем она без задней мысли начала «жаловаться», о чём впоследствии пожалеет. — Хотя в последние дни учитель серьёзно взялся за меня... Каждый день остаюсь после занятий до вечера.

Сказала она это с гордостью и некоторой усталостью в голосе. Насколько я знал, просто «учителем», без уточнений и прочего, она называла директора школы. Это вошло в привычку, после того, как он «завербовал» её.

— Видел бы ты какой «выжатой» она была последние три дня, ха-ха-ха... — тут же добавила Сьюзен. Думаю, она специально «подстрекала» меня. Эта лиса давно знала мой темперамент.

— Не надо... — начала было Милина, но я «удивился» раньше:

— Правда? — и оценивающе посмотрел на девушку. — Не скажу, что удивлён, но, если честно, не ожидал... Молодец, Милина.

— Что? Ты о чём?! О чём он, Сьюзен?.. Отто?..

...

У Сьюзен было прекрасное настроение, поэтому поиздеваться над подругой вместе со мной ей было только в радость. Даже не так, она целенаправленно использовала меня как своё «оружие» в этом деле. Правда, такие тонкости меня сейчас не особо-то и волновали: мне давно пора было начать на ком-то «отыгрываться» после невероятно утомительной недели. «Подарок с небес» снизошёл ко мне сам — почему бы и не воспользоваться им? По выражению лица было ясно видно, что Отто считал меня «нехорошим человеком», а вот на свою возлюбленную, эту провокаторшу, он смотрел ласково, без намёка на что-то негативное... Вот же ж двуличный говнюк.

В конечном итоге, злая от наших тонких шуточек и намёков, Милина перешла в режим «я такая обиженная», высказав при этом пару ласковых в мой адрес, что явно доставило ей удовольствие.

«Почему только мне? — подумал я. — Нечестно!»

Зато мы дружно посмеялись. И я, и Сьюзен с Отто, и Милина, подкалывающая нас в ответ и лишь делающая вид, что недовольна и обижена.

...

— А ещё... — в какой-то момент Сьюзен переключилась на новую тему — Ту олимпиаду, что по боевой магии, которая так и не состоялась, перенесли на конец ноября.

— Значит, через месяц? Ясно.

«Можно неплохо повеселиться», — тут же подумал я.

— Однако, — ехидно добавила она. — У меня для тебя приятная новость.

Договорив, она замолчала, так и подбивая меня уточнить, что же это за новость. Но её «схему» разрушила Милина, которая, видимо, ещё не забыла недавние подколки своей подруги. Девушка тут же сказала:

— Она говорит о том, что мероприятие будет проходить не у нас. Первый тур олимпиады перенесли в другую школу, по-моему, седьмую.

— Жаль...

— Ты расстроен? — удивились обе девушки. — Ты же не собирался принимать участие.

— Не то чтобы... Не важно. Как ты и сказала, в целом новость приятная. Можно отдыхать и не напрягаться.

На самом деле, это было даже лучше, «повеселиться» можно и другими способами: как говориться, чешутся руки — просто включи фантазию.

— Насчёт «не напрягаться» — вопрос спорный, — этими словами Отто Фишер предпринял попытку окунуть меня в холодную воду.

Такое чувство, что он специально молчал бóльшую часть времени, чтобы потом выстрелить мне прямо в сердце, возвращая с небес на землю. — Для начала, много наших учеников будут принимать участие, поэтому какая-то работа, связанная с этим делом, всё же у вас будет. Плюс после первого тура будет второй, третий, финал... К тому же, кроме боевой магии, есть и целая куча других олимпиад и мероприятий, как школьного, так и городского уровня. При желании, есть даже государственные и международные. И хоть это уже не по части дисциплинарного комитета или школьного совета, но если нужна будет мелкая помощь, то первыми попросят именно вас.

Хорошо, что я всё перебрал на Сьюзен. Но говорить этого вслух не стал, специально — назло Отто. Уверен, изначально именно этого он и добивался, чтобы слово за слово привлечь меня к помощи и ответственности перед девушкой. Одним словом, чтобы я не бросал всю работу по организации на его возлюбленную. Вероятно, Сьюзен и сама не знала об этом «тонком» ходе со стороны Отто.

Конечно, это всё может быть и моей бурной фантазией, но проверять я не стал.

Вместо этого я лишь понимающе кивнул на слова Отто. Поговорить можно и о другом, хах.

Глава 106. Начало конфронтации (часть 2)

Возможно, это было лишь моим воображением, но казалось, Отто и в правду был не очень доволен тем, как отреагировали на его слова. Он явно ждал чего-то другого. Тема, развиваемая им, не получила своего дальнейшего прогресса. Предприняв ещё несколько попыток добиться от меня спорных слов о его возлюбленной Сьюзен, он сдался. Этому ещё и поспособствовала Милина, которая впала в печаль, будто что-то всплыло в её памяти. Это было довольно резкое и неожиданное изменение, произошедшее где-то в середине очередного монолога Отто.

Видимо, это настолько волновало девушку, что она даже позабыла о своей недавней «обиде». Выждав момент «молчания», наступивший сразу, как очередная попытка Отто привлечь меня к «ответственности» провалилась, Милина сказала:

— А знаете, я тоже буду принимать участие...

— Что?! — удивилась Сьюзен, до которой быстро дошёл смысл сказанных слов, что она даже умудрилась резко перебить. — Ты имеешь в виду олимпиаду по боевой магии?

— Да...

— Почему ты скрывала?..

— Сьюзен, успокойся. Разве не видишь? — отчитал Отто свою возлюбленную за преждевременные «наезды». — Она наверно и сама недавно узнала. В принципе что-то такое было ожидаемо.

— О чём ты? — быстро отреагировала та. — Думаешь это дело рук директора?

На это замечание ответила сама Милина, пусть её и перебили до этого, но она не расстроилась:

— Так и есть. Учитель сделал меня участницей и недавно сообщил об этом. Если честно, я не хотела и даже отказалась, а он настоял, сказал мол это не обсуждается. Собственно, это одна из причин почему он и взялся за меня так серьёзно.

«Одна из причин?» — пока друзья разговаривали, я случайно сконцентрировал внимание на некоторых моментах.

Если задуматься, серьёзных обоснований переносить олимпиаду в другое место не было (по крайней мере, очевидных). Насколько я знаю, раньше такое практически никогда не практиковалось, а инциденты в школе бывали и похлеще произошедшего в этом учебном году. Даже если взять во внимание, что Юрий Ежи покинул свой пост, уйдя в АД, найти замену для организации такого незначительного мероприятия не составило бы труда. Теперь даже такая, казалось бы, мелочь как «резко-начавшееся обучение Милины» приобрела другой окрас и стала меня как-то смущать. Сейчас эта одноклассница была примером того, что для понимания какого-то человека, нужно уделить внимание не только ему самому, но и его окружению. Как он с ним контактирует и что с ним делает. И хоть вышло это как-то непреднамеренно, отчасти именно таким способом я и заметил странности в действиях Ганца Йохансона.

Можно было попробовать связать всё с шумихой, вызванной кланами Кудо и Морган неделю назад (как быстро летит время). Со сражением их Мировых Волшебников. Однако всё равно что-то не сходилось, отчего моё самолюбие так и не было удовлетворено.

На секунду в моей голове появилось неприятное ощущение: «Я ЧЕГО-ТО НЕ ЗНАЮ?!»

Я, конечно, не люблю лезть в дела других, но когда по моим меркам Мировой Волшебник ведёт себя неадекватно и странно — это повод малость напрячь извилины, а также другие «ценные» места.

— ...

— Милина, — обратился я, возможно, кого-то перебив, — а Ганц Йохансон не говорил, почему олимпиаду решили перенести в другую школу?

— Ну... Я не спрашивала, но, если подумать... Он просто сказал, что навалилась куча дел. А что?

— Ничего такого, — искренне солгал я. — Просто стала интересна причина.

«Куча дел?»

У него и до этого их было много. Плохая отговорка. Хотя правильнее сказать, слишком поверхностная.

Не успел я задуматься, как из моих мыслей меня выбила Милина, вероятно, заслуженно, так как я первый отвлек её, а потом замолчал, «уйдя» в себя.

— Значит, интересна причина?! А то, что я буду участвовать в таком опасном мероприятии, тебе интересно не стало? — она сделала это замечание с недовольством и обидой, и в этот раз не наигранными.

— «Опасное мероприятие»? — придрался я. — Завести ребёнка — вот что опасное мероприятие, а твоё — это всего лишь какая-то олимпиада по какой-то боевой магии, и ключевыми здесь являются не «боевая» и не «магия», а «какая-то олимпиада»...

— Иди на #\$\$%^&, высокомерный кретин, — сказала Милина, вставая. — Я в класс.

— Ты немного переборщил... — искренне сказала Сьюзен.

Бежать за подругой, как это «принято», ни она, ни Отто не стали (и не собирались). Дело не в том, что они были бесчувственными, а в том, что Милина любила развернуться и уйти, когда сильно злилась. Они уже привыкли к такому, как и я.

— Разве?

— Для тебя это может и ничего не значит, а она, как и сам видишь, сильно переживает, ещё и директор на неё «давит», по крайней мере, воспринимает она это именно так. Она поддержки хотела, собралась, рассказала, а ты — как всегда... — Сьюзен хихикнула. Если это и была попытка высмеять кого-то, то только меня. Затем Сьюзен продолжила. — Как придём в класс, советую извиниться, но решать тебе. И кстати, завести ребёнка — вполне нормальное «мероприятие». Не правда ли, Отто?

Сьюзен снова хихикнула, а сидящий рядом с ней Отто, передёрнулся. Меня эта картина знатно повеселила.

— Буду иметь в виду, — только и сказал я, так как спорить не было смысла.

— Вот и хорошо, — улыбнулась она.

Немного погодя, заговорил Отто:

— Ладно, мы тоже пойдём.

— Агась, — поддержала его Сьюзен и обратилась ко мне. — Ты с нами?

— Нет, я ещё посижу.

Кивнув на мой ответ, двое ушли. За руки не держались, но были близки к этому.

Я остался сам. В своих мыслях. Подытожив всё известное, в конечном счёте я решил во всём разобраться, а для этого нужно будет провести «расследование». Хотя некоторые идеи у меня уже появились.

Прошло довольно много времени, прежде чем я встал и пошёл на первую пару. Как оказалось, она уже началась... Бывает.

◇◇◇

Учитывая, что сегодня была пятница, то впереди меня ожидали три «ужасные» пары. Физика, математика и химия. Да, к магии они имели важное (косвенное) отношение, но всю информацию на них преподносили с фундаментальной точки зрения и без волшебства. Одним словом, это полностью «немагические» дисциплины.

Когда я вошёл в класс, учитель тут же сказал:

— О, Караак?! Вовремя! Мы тут как раз сложную задачу решаем. Прошу.

Я приуныл.

Милина ехидно улыбалась где-то со своего места. Думаю, просить прощения я у неё не буду.

Глава 107. Начало конфронтации (часть 3)

По ощущениям казалось, будто сегодняшние пары никогда не закончатся. От этого мне было грустно. Ни для кого в классе не было секретом, что решение сложных задач, — не мой конёк. Как гласит реальность: никто не способен быть умелым одновременно во всём.

Из трёх пар, на «ты» я был только с химией, и то лишь до того момента, пока дело не доходило до решений уравнений и задач уровня «бог», то есть каждой второй. За математику и физику я вообще молчу... Однако, как говорят, учиться никогда не поздно. Поэтому утверждать, что я являюсь полным неучем, было бы неправдой. В целом, я знал предметы нормально — пары были информативными. Просто для хорошего результата недостаточно всего лишь посещать занятия, также необходимо уделять достаточное количество времени на повторение и самообучение, как это делают Отто Фишер или Милина Гофф. Сьюзен же зачастую «выезжала» за счёт своего возлюбленного, но по чистым знаниям и обучаемости она больше походила на меня (или я на неё?), конечно, до тех пор, пока дело не касалось магии.

Терпеливо высидев всё, после пар я вышел из класса, оставив друзей «позади». К моему удивлению некоторые одноклассники, с которыми я довольно редко контактировал (хоть и всегда здоровался, как и они со мной) проявили заботу (или же любопытство) и интересовались моим здоровьем. Подобное происходило во время каждого перерыва.

— Всё хорошо, — отвечал я им любезно.

В схожие моменты мне казалось, что с одной стороны люди слишком двуличны, а с другой — что я слишком строго к ним отношусь. То ли нужно быть проще, то ли наоборот холоднее, вплоть до пренебрежения, чтобы у них даже мысли не было подойти к тебе и тем более заговорить. Но выбирать второй вариант без серьёзной на то необходимости как-то слишком... скажем так, бессмысленно и глупо; правда, до поры до времени — Сакура из клана Кудо была тому примером.

Это было уже в коридоре. Последней поинтересовавшейся «что с моей рукой / плечом», была девочка-брюнетка, спина которой с первых дней обучения всегда «прикрывала» меня от взоров некоторых преподавателей. Всё верно, она сидела прямо передо мной. Мы практически не общались, отчасти потому, что я время от времени пачкал её обувь или штаны, когда вытягивал свои ноги, рассевшись, как царь. Это было нецеленаправленно, но в какой-то момент её это стало очень сильно раздражать. И хоть «правда» была на её стороне, так как наши парты априори не были предназначены для столь вальяжной позы, но когда она начинала наезжать на меня, в ответ я всё равно не признавал вины и слал её куда подальше, опровергая доводы словами: «Ты слишком сильно задвигаешь ноги назад, в мою сторону». Звали её Дора.

...

— Всё хорошо, Дора, — ответил я ей, как и всем до этого.

— Уверен? Ты даже ни разу за целый день не ткнул меня своей ногой.

Это был тот редкий случай, когда ваш покорный слуга был не в состоянии «прочитать» человека по голосу и мимике: это ирония или разочарование? Задавшись этим вопросом, я посмотрел на одноклассницу. Правда, я быстро избавился от бессмысленных мыслей.

Я не привык шутить со всеми подряд. Дора не входила в мой мысленный «белый список», поэтому:

— Ты что-то хотела? — спросил я не то чтобы грубо, но точно без дружелюбия.

— Ничего, или с тобой уже и заговорить просто так нельзя?

— Положим, нельзя. Что дальше?

— Быть столь грубым — можно без этого? Ведёшь себя как напыщенный павлин...

— Ясно. Ладно. Давай попозже поговорим, хорошо?

Мы впервые обсуждали что-то, кроме её грязных штанов. Такое изменение мне показалось интересным, но даже так, я решил проигнорировать её.

— Эм, сейчас точно нельзя?

А говорила «просто так», значит, есть ко мне дело?

— Я кое-куда спешу.

Нет, я никуда не спешил, просто мне подумалось, что лучше с ней не разговаривать. (Интуиция?)

— Ладно-ладно. Сегодня? Когда? — согласилась она.

— Ты ведь ещё пойдёшь на свой кружок?

— Да.

— Я тебя найду. Договорились?

Вряд ли я пойду искать её... И вряд ли Дора сама найдёт и застанет меня: я умею обходить людей стороной. Хорошо, что впереди выходные... (Суббота? Учебный день? У меня уважительная причина не идти, хах.)

— Да! — уверенно кивнула она.

— Тогда давай, — уверенно помахал я рукой.

Девочка пошла в другую сторону.

Я не видел эту одноклассницу, считай что неделю, но казалось предо мной совершенно другой человек: покладистый и терпеливый, будто от меня зависит её «жизнь». Я задался вопросом, что могло измениться? И тут я кое-что вспомнил... Ха-ха, та не.

◇◇◇

В связи с тем, что я продолжал быть главой дисциплинарного комитета, некоторые обязанности на мне всё ещё висели: спихнуть на Сьюзен сто процентов своей работы просто нельзя. И хоть я мог воспользоваться своим освобождением, которое продолжало действовать, но как ответственный человек, я направился в штаб. Насколько я знал, остальные члены комитета либо ещё учились, либо дежурили. Подтверждением тому было и то, что в штабе присутствовал лишь один человек.

— Привет, Чен, — поздоровался я.

— Ого, какие люди. Привет. Тебя скоро начнут считать номинальным членом дисциплинарного комитета, если не школьником, хах.

— Именно поэтому я здесь: пора исправлять это недоразумение, — сказал я в ответ. — А ты чего сам? Где Эмилия? Вы разве не разлей вода?

— Она дежурит, как и остальные.

— А ты чего здесь?

— Я?.. Да завалил кое-какие тесты... Готовлюсь пересдавать.

— А так можно?

— Да, ты разве не знал? Даётся несколько попыток...

— Я не об этом. Как можно завалить тесты? Даже тройки нет?

— ...Нет...

— Ты точно сюда не по блату попал?

Чен бросил на меня прищуренный взгляд, сделав губы уточкой...

Я добавил:

— Не переживай, я тебя не выгоню...

— Да ну тебя! Лучше иди и помоги Эмилии, она там сама дежурит. Пока ты не появился, по блату сюда точно никого не брали...

— Ха-ха-ха, разве?

— Да, — уверенно сказал Чен.

— Ну хоть кто-то сделал что-то полезное для этого места, — я продолжил смеяться.

— Не удивлюсь, если твоя цель — стать политиком какой-нибудь второсортной страны...

— Бери выше, в «первосортных» тоже есть где разгуляться.

— Для этого тебя должны выбрать люди и привести к власти...

— Дураков хватает, ты же меня привёл сюда, когда я попросил, ха-ха-ха...

Я вышел и пошёл на дежурство раньше, чем до моего юного «оппонента» дошёл смысл сказанных слов.

К этому времени Эмилия уже была не сама, а с моей одноклассницей Сьюзен, той самой, попавшей в ряды дисциплинарного комитета «по блату».

— Привет-привет! — поприветствовала меня Эмилия. — Будто целую вечность не виделись!

Вот кто-кто, а она всегда рада мне: хорошая девочка...

— ...Хоть бери и забирай себе...

— Что ты бурчишь там?

— Говорю, тоже рад тебя видеть. Привет, Эмилия.

— Давай, выкладывай всё!..

Уж кто-кто, а она точно выведает все мои «тайны». Дабы не откладывать неизбежное, я сжато пересказала ей некоторые подробности.

— Ого! Эта с той самой, которая нас допрашивала?

— Ага.

— А нам ты ничего не рассказал! Нечестно! — резко встряла Сьюзен, развесившая до этого уши до самой земли.

— Правда?! — сделал я удивлённое лицо.

— Не прикидывайся дурачком!

— Я не Отто — я так не умею.

— Ты это о чём?!

— Не о «чём», а о «ком». Я, конечно, понимаю, что он твой возлюбленный...

— Это не так!

— Уверена? Разве не ты говорила, что хочешь от него детей?

— Караак, ну ты и скотина! Тебя не так поймут!! Не слушай его, Эмилия!!!

— Эээ, ааа, ясно...

— Что? Что тебе ясно?! Эмилия, не молчи! Ох, нет...

Готовая придушить меня в любой момент, сейчас Сьюзен была занята Эмилией, а иначе реально придушила бы.

Милина? Никто не говорил, что она будет единственной, на ком я «отыграюсь».

Глава 108. Начало конфронтации (часть 4)

(От 3 лица)

После занятий все школьники обычно расходились либо по домам, либо на свои кружки. В этом смысле Милина стала немного особенным учеником. С недавних пор. По завершению пар она направилась в тренировочный зал №3. Она посещала это место уже четвёртый день подряд. Бросив свой гимнастический кружок. И, судя по всему, будет это делать теперь очень часто.

Зал был стандартных размеров со всем необходимым оборудованием. Милине было даже как-то неловко, учитывая, что она занималась в столь большом месте одна.

Пока её наставник не пришёл (Ганц Йохансон лично занимался обучением), она повторяла, если так можно было выразиться, пройденный материал. А учил он её на данном этапе не столько магии, сколько боевым навыкам.

— Прежде чем использовать магию, нужно научиться использовать своё тело, — так он ей сказал в первый день.

По правде говоря, эта формулировка довольно спорная, во всяком случае, найдётся много волшебников, которые с ней не согласятся. Тема дискуссионная. Однако если брать во внимание некоторые субъективные взгляды, свойственные тому или иному человеку, то это справедливо можно назвать личностным мировоззрением конкретно Ганца Йохансона и то, что он передавал (отчасти навязывал) его своей ученице, не имело ничего плохого. Это было его законное право как наставника.

«Никогда бы не подумала, что придётся “махать руками”...»

Это не значило, что магия была отложена в дальний ящик. Новые слэмы она начнёт практиковать чуть позже, как сказал учитель:

— В ближайшем будущем.

На данный момент она переосмысливала азы волшебства с нуля, ей это сильно не понравилось, но только поначалу. Как и многие, девушка считала себя достаточно умной и, как любят выражаться её сверстники, прошаренной, однако после первого теоритического задания и литературы, с которой ей сказал ознакомиться наставник, она осознала насколько по-настоящему широк и неведом для неё мир магии и как сильно были ограничены её познания.

«Обидно... Почему в школьном обучении упускают столько моментов, нюансов. Материалы, которые дал учитель... Я никогда не встречалась с таким в наших книгах», — думала Милина, начав свою тренировку.

Слово «материалы» было в данном случае как нельзя точным, потому что вся предоставленная наставником информация была плохо структурирована. С резкими обрывами и переходами. Это были не книги или общедоступные сборники слэмов. А просто плохо согласующиеся друг с другом куски, идущие сплошным текстом, будто дипломная работа студента-«копипастера». Простого чтения было недостаточно, чтобы понять, нужно было ещё и включить мозг. Милина не раз теряла нить, даже когда перечитывала. Создавалось ощущение, что всё это было «вырезками» из каких-то серьёзных текстов, а местами — мысли и идеи самого учителя. По крайней мере, у Милены появилось именно такое чувство. Там даже упоминался «обратный процесс» магии. То есть не просто синтез, а синтез с последующим разложением. Насколько она помнила, за всю свою жизнь ни разу не слышала о чём-то таком.

«...Опасно ли это? С одной стороны для такого должна поглощаться энергия... но с другой — может быть и наоборот. Есть уровни, на которых процессы сопровождаются выделением энергии. Ведь так? Реакции протекающие со взрывом? Внутренняя энергия превращается в механическую: часть непосредственно, а другая — сперва преобразуется в теплоту... И...»

— ...Бабаххх.

Можно было с уверенностью сказать, что уроки физики для Милены прошли не зря.

Думая обо всём этом и многом другом, девушка несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, настраивая себя на будущий «ад», как мысленно называло это сама. Перво-наперво она взялась разминать мышцы. Потянулась руками к носочкам. Сначала стоя. Потом сидя. Затем классический выпад коленом вперёд. Раз, два, три... Другая нога. Раз, два, три... Повтор.

Бедро и голень «согрелись».

Прыжки. Приседания.

Второй подход.

Третий...

Всего пять.

Подняв руки вверх, сделав глубокий вдох, она стала выдыхать, при этом наклоняясь и тяня руки вниз. Делая серию таких «солнышек», насыщая клетки кислородом, она вспомнила стишок:

«Воздух в лёгкие идёт,

Он содержит кислород,

В альвеолах не сидит,

В капилляры всё спешит.

— Ты уходишь, CO₂?

— Да, давно уже пора.

— О, понятно, ну, пока. Ждут меня ещё дела.

Кислород пошёл вперёд:

— Эй, привет, эритроцит!

— Нужно в клетку, подсобить?

— ...»

Милина запнулась.

«Как там дальше?» — подумала она.

Немного передохнув, Милина приняла боевую стойку.

Левая нога и рука вперёд. Правая нога назад. Правая рука к подбородку.

Колени чуть согнуты. На носочках.

Сначала она просто меняла стойку в прыжке. Хоп. Левая назад. Хоп. Правая вперёд. Хоп. Снова левая. Хоп. Правая... Назад и вперёд — руки не отставали.

Хоп.

Хоп.

Хоп.

Туда-сюда. Всё в прыжке. Не останавливаясь ни на минуту.

Милина добавила удары руками. Смена стойки — «вылетела» левая. Смена — правая. Левая. Правая. Левая...

Дальше — удары ногами. Колено выстрелило вперёд, а затем резко выпрямилось, и уже носочек летел вверх, выше головы, формируя ровную ногу, без малейшей кривизны или ненужного изгиба. Превосходная растяжка. Мгновение. Шух. Нога «упала». Подошва всей поверхностью летела вниз. Удар. Воздух сражён. Прыжок. Следующая нога. Ещё раз. Колено. Носочек. Шух. Удар. Смена. Шух. Удар. Шух. Удар...

Милина старалась, как могла. А она была способной. Она могла.

— Как для обычного человека — хорошо, — слышалось вскоре. — Как для волшебника — медленно и неуклюже.

— Учитель.

— Сначала.

— Есть.

— Я буду твоим оппонентом.

— Да.

— Не забывай о магической энергии.

Кивок.

— Она тебе не для красоты дана.

Кивок.

Первым атаковал наставник.

Удар. Милина выстояла.

Удар. Милина попятилась.

Удар. Милина отлетела.

— Твоя очередь.

— Есть.

— А пока атакуешь, расскажи, что нового ты узнала после вчерашней тренировки.

— Есть.

Милина говорила и наступала. Выпад. Рука вперёд. Удар.

Шаг в сторону. Удар ногой сбоку. Отбила оплеуху. Оступилась назад. Чуть не упала. Удержала равновесие. Шаг вперёд. Удар кулаком. Ещё один.

Хуу... Отвела торс в сторону. Рука учителя прошла мимо. Рядом с головой.

Отпрянула в сторону. Затем назад. Секунда. Перевела дыхание. Выпад. Блок. Удар...

Раз за разом. При этом она рассказывала «азы» магии. Точнее, пыталась это сделать. Было трудно.

Учитель дополнял или пояснял её рассказ. Но это не мешало ему обороняться.

Нельзя сказать, что он поддавался, потому что к обучению девушки он относился очень ответственно и кропотливо. Правильнее сказать, он подстраивался под её уровень. Давая возможность МиLINE не тупо махать, а целенаправленно атаковать. Видеть, чувствовать и

анализировать бой.

Пусть ни один из её ударов не доставал до него, зато приходило понимание.

К тому же возрастала концентрация. К тому же параллельно она изучала основы волшебства. К тому же, её магическая сила начинала реагировать.

Оставалось удивляться, что такой «занятой» человек как Ганц Йохансон уделял этому столько времени. Было ясно одно, в таком темпе из Милены и вправду может что-то получиться.

Глава 109. Начало конфронтации (часть 5)

Прошло полтора часа, а может даже два, когда «ад» Милены наконец-то подошёл к концу. Дав некоторые указания и задания на завтра, наставник покинул её. Как только он ушёл, девушка в прямом смысле рухнула.

— Как же устала... — только и смогла пролепетать Милина, распластавшись на полу, как сено в сарае.

Провалявшись так минут пять, она встала на ноги. Лицо было бледным и уставшим. Спортивная форма мокрой и помятой, собственно, как и само тело Милены. Поднялась она вовремя, потому что практически сразу за этим в проёме входа показалось заинтересованное лицо Сьюзен. Не то, чтобы девочке было неловко показывать свою усталость перед подругой, просто... Она и сама не знала что «просто», но встретить её на своих двоих было как-то спокойнее (или более достойно?). Буквально несколько дней назад такие мелочи вовсе не волновали её. Вероятно, дело было в том, что она перенимала у наставника не только знания и опыт, которые он преподавал, но и его привычки. Причём неосознанно. Просто стремилась «уподобиться» ему: то, как он держится, то, как он ведёт себя — в этом определённо были шарм и достоинство. (Милина видела это именно так.) Поэтому не было ничего удивительно и плохого в том, что она стремилась скопировать и перенять некоторые его черты. Её нельзя было винить в бесхребетности или впечатлительности, скорее дело было в самом наставнике, личность которого сама по себе притягивала. Заставляла стремиться к нему, но не пресмыкаться (хотя кого-то, возможно, и пресмыкаться).

Вероятно, предел «синхронизации» с учителем настанет тогда, когда Милина будет один за другим пожирать «Медвежонка Бима». Стоит ли её талии начинать бояться?

— Йо, как дела? — поинтересовалась торчащая из-за двери голова Сьюзен.

— Хорошо. Ты за мной?

— Ага...

— Что с лицом, чего такая кислая мина?

— Вывел «кое-кто», до сих пор отойти не могу.

— Я его знаю?

— Догадайся.

— ...Учитель сказал, что если не буду халтурить, то рано или поздно смогу его побить.

— Правда?!

— Да. Хотя странно: с одной стороны он его высоко оценивает, а с другой — как-то недолюбливает что ли, говорит, что стоит быть аккуратнее.

— С Карааком?!

— Да.

— Та ладно вам, он, конечно, немного «заноза в заднице», но в целом, человек приятный.

— Думаешь?

— Уверенна, а чего ты вдруг спрашиваешь? Что-то случилось?

— Не знаю...

Милина сама не понимала такой перемены, но казалось, что неуверенность её наставника на этот счёт передалась и ей. Она сказала, что он его «недолюбливает». Однако это было не так. Девочка просто не знала, как правильно выразить, как правильно передать увиденное ею отношение своего учителя к этой, как выразилась её подруга, «занозе в заднице».

С наставником они обсуждали не только её саму. Он рассказывал ей о разных влиятельных силах и могущественных кланах: временами мимоходом, временами целенаправленно, временами на примере чуть ли не конкретных учеников этой школы. Но еле отличимые перемены она заметила только когда учитель упоминал некоего политика — Регана О'Лири;

некоего то ли политика, то ли ещё кого — Баруха; некоего Мирового Убийцу, точнее их было несколько, а имён она не запомнила; может, был и ещё кто-то. Но девушка не была столь проницательной. Она даже уверяла себя, что на самом деле наставник целенаправленно выделил именно эти фамилии. Однако когда похожее отношение проскользнуло сегодня и в адрес её одноклассника, хоть и не так явно — она сильно удивилась, а потом засомневалась.

Переспрашивать или уточнять она не стала. Но если бы это сделала, то получила бы честный ответ: «Есть вещи и люди, которые мы не понимаем. Мы хотим понять, а ответ уже дан. В книге, справочнике, документе. Мы пересматриваем их. Перечитываем. Перепроверяем. Информация остаётся неизменной. Но чувство того, что тебя пытаются обмануть, — никуда не уходит. Что они? Кто они? Кто рядом с ними? Кто за ними? Понимая немного мироустрой, такие вопросы интересуют тебя всё больше, всё сильнее. Ты начинаешь видеть их там, где они есть, и там, где их нет».

Знающий человек предположил бы, что Ганца Йохансона смущает отношение между его «переведённым» учеником и Мишель Лири, чей небезызвестный дядя не вызывал у него доверия. Оба Мировых Волшебника — один официально (Ганц Йохансон), другой нет (Реган О'Лири), — знали, на что способна противоположная сторона. Союзниками они не были, а жили «дружно», пока интересы и взгляды не расходились. Но никто не гарантирует, что они не разойдутся в ближайшем будущем, — мир штука двуличная. Как не иронично, но эти самые «взгляды» с семьёй Бортэ уже разошлись.

Каждый достаточно хорошо знал о коварстве другого, что был готов с лёгкостью поверить и приписать противоположной стороне все козни — все свои «неправильные» потери и утраты.

При этом, если ещё и вспомнить, что двумя Мировыми Волшебниками — Ганцом Йохансоном и Реганом О'Лири — ни Батор, ни Монголия, ни весь прочий мир ограничены не были (их было куда больше), — то у обычного обывателя на всё это явно появилось бы стойкое ощущение, что его спокойная жизнь может пойти по женской линии всего лишь из-за каких-то: глупости, незнания, личных проблем или желаний, — присущих горстке людей с силой и властью в руках.

Собственно, так всегда и было.

Милина ещё не доросла до таких «глубоких» идей, да и мысли читать она не умела. Сьюзен её успокоила:

— Не накручивай, дорогая. Ни себя, ни других. Иди купаться, мы ждём тебя снаружи. Хорошо?

— Да. Спасибо.

Горячая вода текла по рукам, телу, ногам. Это было приятное завершение «ада» под названием «тренировка с Ганцом Йохансоном». (Было в этом наставнике что-то немецкое...)

◇◇◇

(От 1 лица)

— Хорошо выглядишь. Не сказал бы, что «выжатой».

— Эээ...

Милина издала это «бесконечное»: «Эээ...», — будто пыталась походить на умственно отсталого человека. Потом резко оборвала и спросила:

— Правда?

— Да. Такими темпами ты можешь и неплохо выступить через месяц.

— Что это за способ извиниться? — встряла Сьюзен, только я закончил говорить. — К тому же, недавно ты уже говорил что-то похожее, только другому человеку.

— Что? Ты о чём, Сьюзен? — уточнила Милина.

— Помнишь, я рассказывала, что как только огласили дату, на которую перенесли олимпиаду, многие ученики снова активизировались (эх, только-только всё утихло) и стали готовиться? Как обычно, особо одарённые решили искать помощь у более умелых учеников, благо, в школе таких хватает.

— Ничего удивительного. Каждый год ведь одно и то же.

— Это да, но...

— Ты о том мальчике, как его, Богдан? Ты ведь мне за него рассказывала?

— Ага. Увязалась за ним одна девчонка, с самого понедельника. Говорит: «Ты же обещал! Обещал!..» Видимо, знакомая. Вчера только отстала. А этот как услышал сегодня, — Сьюзен указала на меня, — нашёл её и пафосно так: «Я конечно не Громов, но могу позаниматься с тобой»...

— Что?!

— ...А знаешь что та ответила? «Не может быть...» — говорит. Покраснела вся.

— Не перегибай, Сьюзен, — встрял я. Мало ли что ещё она выдумает, если её не остановить. — Я просто предложил — она согласилась. Не более.

— Зачем тебе это? — спросила Милина.

— В смысле? — удивился я. — Девочка просто не может позволить себе индивидуальные занятия, но хочет участвовать. Даже если я многим ей не помогу, сделать доброе дело и попытаться — от меня не убудет. Я же не Громов.

Услышь Богдан Громов эти слова, вероятно, взорвался бы. Однако рядом его не было, оно и к лучшему.

На меня устремился недоверчивый взгляд Милины.

— Во-во, — сказала Сьюзен. — Я также смотрела.

— Кто она? — поинтересовалась Милина.

— Точно не знаю, — ответила вторая девушка.

Обе перевели взгляд на меня.

Глава 110. Начало конфронтации (часть 6)

(От 3 лица)

Девушка, достававшая Богдана Громова, была не просто его знакомой, а другом и одноклассником. Она довольно тесно общалась с ним и двумя его близкими друзьями — Даниилом Ветряком и Захаром Морозом. Как они сблизились? Ответ на этот вопрос будет связан, скорее всего, с Захаром Морозом — светловолосым мальчонкой, которому приглянулась эта самая девушка с довольно скверным характером и резким нравом. Несмотря на такую характеристику, Джулия Бортэ была очень осторожным человеком и никогда не лезла на рожон: чуть что, поджимала хвост и помалкивала. Потрёпанная жизнью, она

прекрасно знала, когда можно и нужно включать свой гонор, а когда стоит засунуть его в узкие и тесные проходы, дабы не ухудшать собственное положение. Как и многие люди, она желала достичь в этом мире чего-то серьёзного, но как не многие из них понимала, насколько далеко от этого находится и сколь «мало» собою представляет. Её происхождение не давало ей ничего, в лучшем случае, просто не мешало жить, хотя и этот «плюсик» исчез, когда она ушла из семьи. Иногда ей казалось, что всё то возвышенное, к чему она стремилась, — это даже не планы на будущее, а всего лишь мечты. А в её понимании планы — это то, что человек способен осуществить в действительности, а мечты — то, что всегда останется в фантазии. Потому-то и «мечты».

О чём же она думала?

Джулия Бортэ представляла себя успешным учёным, а в другой раз умелым политиком, а бывало и могущественной волшебницей, — в общем, кем только она себя не представляла. Зачастую это зависело от настроения или под действием какого-нибудь впечатления, например, после просмотра документального фильма «о людях, изменивших этот мир» или же после прочтения автобиографии какого-нибудь Мирового Волшебника. Но во всех случаях, в своих фантазиях, в своих грёзах, она занимала не последнее положение в обществе, была значимой, имела силу, влияние и уважение.

В реальности же она школьница: с вечерней подработкой, дабы можно было оплатить свою квартиру; с постоянным чувством голода, дабы иметь стройную фигуру (что было ложью, потому что её скромный бюджет не резиновый, а проживание дорогое). А всё время подъедать у Захара Мороза как-то некрасиво, даже если он только и рад этому. Хотя в столовой тырнуть из тарелки кусок мяса, как сейчас — дело практически святое.

...

— Ну он и мудака. Обещал ведь! Говорил, как только объявят дату, поможет мне разобраться с основами нескольких слэмов. Откладывал, откладывал и... Откладывал! А сейчас вообще морозится! — от злости Джулия Бортэ даже немного зарычала.

— Успокойся. Он просто считает, что из него плохой объясняльщик, — Захар Мороз предпринял очередную попытку успокоить девушку. (Вообще, отчасти, во всём этом была его вина. И он это понимал.)

Правда, был и один плюс. В связи с тем, что Богдан Громов избегал Джулию Бортэ, сейчас Захар Мороз сидел с ней в столовой за столиком наедине. Разве что свеч не хватало. Юноша не мог не заметить столь приятный нюанс в этой ситуации, пусть даже его друзья временно и избегали друг друга.

— Что это вообще за слово «объясняльщик»? — спросила девушка. — Ты вообще человек, Захар?

— Да-да...

— Итак, ты уверен, что не можешь мне помочь сам?

— Нет. Правда... Не смотри так. Я даже хуже Богдана в этом плане. Ты и сама очень умелая. Одна из лучших среди всех второюдок...

Джулия Бортэ продолжала пронизывать юношу своим взглядом.

— ...Ладно-ладно, извини, что обнадёжил тебя с Богданом... — извинился тот, не впервые за сегодня, не говоря уже о предыдущих днях. — Если честно, он думал, что олимпиады уже вообще не будет...

— Ясно-понятно, — только и ответила недовольная девушка.

По правде говоря, она хорошо понимала, что не вправе требовать, но раз ей обещали, то попытаться надавить на чувство «справедливости» всё же стоило. Почему она была так настойчива? Потому что понимала две вещи. Во-первых, вместе с призовыми местами можно было получить балы в общую копилку при поступлении, а также призы (в том числе, и денежные, что манило её больше всего). Во-вторых, распределение учеников идет только по году обучения, а это значит, что перед наследниками крупных семей у обычных школьников зачастую было сильное отставание и фактически не было шансов; и с этой точки зрения Джулия Бортэ относилась к категории «обычные школьники», а не «наследники». При этом именно последние брали большую часть призовых мест; нет, в финал проходили и «обычные» ученики, но их было мало. Обычно такие редкие «проходимцы» были сами по себе, с рождения, невероятно одарёнными волшебниками, а Джулия Бортэ себя таковой не считала (справедливо или нет — другой вопрос).

Итак, всё вышеперечисленное — основные причины, почему наравне с самоподготовкой девушке край как нужен был кто-то толковый и понимающий — ей нужны были практика и контроль. Она реально оценивала свои силы и навыки. Олимпиада по боевой магии — это не тот случай, когда достаточно лишь теории (для такого, собственно, существуют другие виды соревнований), важным были именно «боевые» способности. Школьных часов не хватало, а за дополнительные занятия преподаватели уже просили «копеечку», которой у неё не было. (Не всем может выпасть «счастливый билет», как это произошло с Миловой Гофф.) Да и для такого нужно договариваться заранее.

Джулии Бортэ нужен был не тот, кто просто поучаствует с ней в спарринге, а тот, кто ещё и сможет указать на ошибки и научить чему-то новому. Захар Мороз сразу признал свою некомпетентность в этом. Убедил для неё (но по своей инициативе) Богдана Громова, а тот «слился».

Так ситуация и обстояла.

Доев, двое, Захар Мороз и Джулия Бортэ, встали из-за стола и медленным шагом направились в свои кружки. Девушка занималась магическим рисованием, а парень — каким-то единоборством. Предыдущую тему они успешно закрыли и даже успели в каком-то смысле позабыть о ней.

— ...Уже решила, что начнёшь писать? — поинтересовался юноша.

— Нет... Я только закончила предыдущую картину — получилось уродство. О новой ещё не думала.

— Почему же сразу уродство? У тебя хорошо получается.

— Не льсти...

Но её перебил диалог со стороны:

— Да стой же ты! — сказала какая-то девушка.

Судя по повязке, она была из дисциплинарного комитета. Правда, её проигнорировали. А человек, за которым она спешила, вскоре подошёл и обратился к ним:

— О, привет Захар. Привет, Джулия. Я тут узнал, что тебе помощь нужна. Я конечно не Громов, но могу позаниматься с тобой.

— Не может быть?.. — ответила та с побледневшим лицом и неуверенностью в голосе, будто какой-то маньяк предложил подвезти её до дома... В любом случае, ей всё показалось именно так. Тем более, она всё ещё помнила, как он заходил к ней «на чашечку чая».

Глава 111. Начало конфронтации (часть 7)

(От 1 лица)

— ...Когда садится солнце, силы зла выходят из своих укромных мест. Они выходят на охоту. Охоту на людей. Таких людей, как ты. Стоит тебе забрести в темный угол — пиши пропало. Злые ведьмы или ужасные монстры тут же схватят тебя и расчленят. Семь дней и семь ночей будут пить твою кровь и есть твою плоть... В общем, внучок, не гуляй по ночам без меня.

— Хорошо, бабушка...

Чудный диалог донёсся до меня от идущих впереди старой женщины и мелкого сопляка. Уже был вечер пятницы, граничащий с ночью. Дома я ещё не был. Только-только закончил свои дела. Итак, по порядку.

После школы я зашёл в кафе «Кодль» со своими одноклассниками — Сьюзен и Милиной (Отто ушёл раньше всех, сразу после пар). В то время как обе предпочли горячий шоколад, я же выбрал самый крепкий из всего имеющего в ассортименте кофе. На удивление, девочки были необычайно малословны. Видимо, в последние дни они и вправду сильно уставали. Мы разошлись практически сразу, как допили свои напитки. Конечно же, перед этим пришлось немного утолить их интерес ко мне и моей жизни, ответив на ряд вопросов, как на каком-то допросе.

Главное, что им удалось выведать (по их мнению), так это такую «ценную» информацию как: первое занятие с Джулией назначено на понедельник. На вопрос: «Когда?!» — я честно ответил, что буду совмещать дежурство и её «обучение». В этом нет ничего сложного.

Но чёткого ответа, зачем я взялся за столь утомительное дело, я так и не дал. Ни одноклассникам, ни самой Джулии. Да и что бы я ответил? Что делаю это просто ради веселья? Но ведь дело было не только в нём. Веселье — весельем, но и о прочем забывать не стоит, как минимум о том, что, судя по всему, я устроил серьёзный коллапс между двумя фракциями, если так можно выразиться, но давайте по порядку.

Сразу после расставания со своими одноклассницами, я направился в полицейский участок Батора. Нет, полицейских участков много, я пошёл в конкретный. Тот, где работал отец Нарана. По пути я зашёл в старую библиотеку. На двери под вывеской виднелась надпись: «В невежественных руках и справочник туалетная бумага». Надпись была старой, как плешивая псина. Подтверждением тому было и то, что вся информация в библиотеке к сегодняшнему дню хранилась в цифровом виде. Говорят, что эти слова не раз просили убрать или хотя бы заменить, но старая библиотекарша (казалось, что она всю свою жизнь была старой) настойчиво игнорировала это прошение. А иной раз могла и высказать какому-нибудь случайному посетителю всё своё презрение, накопившееся ко всему человечеству за прошедшую неделю, если не день. Такой была эта женщина, вероятно, такая же старая как и её «приветствие» на двери.

Я зашёл, дал бабушке «копейку», она отвела меня в одну из закрытых секций и ушла. Раньше она бы не упустила возможности высказать мне какую-нибудь умную высокомерную речь, но со временем остепенилась.

Вероятно, это было связано с тем, что я бывал здесь часто. Так часто, что одно время она даже начала косо на меня поглядывать. Но поняв, что человек я милый, добрый, образованный и опасный, она перестала лезть в не касающиеся её дебри. Плюс и «копеечка» решала часть вопроса. Прочитав не одну книгу по экономике, она определённо знала кое-какой толк в финансах. А ещё искренне верила, что миром правят не какие-то Мировые Волшебники, а банкиры.

За свою жизнь она перечитала множество книг, но воспользоваться знаниями по назначению так в принципе и не смогла (разве что наживалась на моём «откупе»). Поэтому вершиной её «знаний» можно было с уверенностью назвать лишь высокомерное и предвзятое отношение ко всем людям, ко всему человечеству, будто она знала то, чего не знают другие. На деле же большинство, если не все, считали её типичной старой маразматичкой с завышенным ЧСВ.

Оставив ненужные вещи и укрывшись Храмом Пустоты, я вышел из этого старого и никому ненужного места (отчасти, из-за репутации самой бабки) и полетел в место назначения, а именно — в полицейский участок

Вскоре я был прямо перед входом. Вошёл внутрь без особых проблем. Как и в других общественных местах здесь были датчики, реагирующие на магию, а также камеры слежения. Но датчики активируются только тогда, когда происходит выброс кварков, собственно на них они и реагируют.

Выброс кварков происходит практически у любого волшебника как, своего рода, неконтролируемая потеря. Если вкратце, то из направленного магического потока «выплёскивается» незначительное количество частиц, как капли воды из водной струи. Обычно, чем больше энергии у волшебника и чем слабее его контроль, тем такая потеря выше. Такие поодиочные кварки (хотя их куда больше) и фиксируются датчиками.

Для регистрации несанкционированного использования магии таких простых устройств, зачастую, более чем достаточно. Но это «зачастую» не имело ничего общего со мной, да и с некоторыми другими волшебниками тоже.

На каждом шагу была уйма полицейских. Это и не удивительно, ведь сейчас вечер — самый пик их пребывания в своём «логове». Дабы случайно не столкнуться с кем-то из них, я парил поверху, над ними. Вот такой вот «ниндзя». Вероятность услышать что-то стоящее из их обыденных разговоров была на самом деле очень низкой. Я даже как-то от нечего делать решил поэкспериментировать и, провисев чуть ли не целый день под потолком, ничего не добился. Максимум, узнал, что они говорят за спиной друг у друга. Не услышав ничего интересного и важного, мне тогда стало даже как-то обидно. И лишь чувство гордости не давало мне считать себя дураком, потратившим время впустую.

Полицейский участок, где находился офис отца Нарана (да и его самого), я выбрал не случайно. Нет. Я не планировал встречаться с кем-то из них. (Им лучше вообще не знать, что я захаживаю иногда в их обитель.) Всё было куда практичнее. Во-первых, я был более-менее знаком с этим местом. Во-вторых, в подчинении старшего из четы Рамитов имелись люди, непосредственно занимающиеся наблюдением за рядом «известных» личностей или семей. И

если кто-то думает, что эту работу выполняют неумелые ребята, то сильно ошибается.

Была здесь и такая пара следователей из отряда особого назначения, которая следила за главой Международной Организации Защиты Граждан, то есть Ганцом Йохансоном. Первым делом, я пробрался к ним в кабинет. Медленно, но уверенно, дабы случайно не привлечь к своей невидимой персоне излишнее внимание.

Двое мужчин сидели за своими столами, разбирая документы и собранный материал. На одной из стен, как это полагается, был большой экран, правда, сейчас он не работал. Что было немного обидно, потому что иногда для понимания нужных вещей, хватало одного взгляда на него. Видимо, не судьба. Пришлось ждать.

Спустившись вниз, я подлетел к первому столу. Среди всего беспорядка, устроенного следователем, мне нужен был его очередной отчёт. Отчёты — вещь во многом прекрасная, ведь именно они содержат последовательно-изложенную информацию за тот или иной период слежки, да ещё и с выводами. И это нестранно, ведь именно они и идут потом «наверх». В руки более важных персон.

<http://tl.rulate.ru/book/25164/1040118>